

ФОБИЯ ПОВТОРЯЕМОСТИ И СТРАХ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Дмитрий Быков

Дмитрий Быков —
русский писатель, журналист,
поэт, колумнист

Массовые страхи делятся на две группы. Есть страхи осознанные и в каком-то смысле внушенные, а есть страхи подлинные, самые глубокие и неотрафлексированные. И в них человек себе, как правило, не признается. Ведь, по большому счету, чем страх отличается от фобии? Я бы рискнул сказать, что фобия — это то, в чем не признаешься себе, фобии существуют подсознательно. А вот страхи очень примитивны. Это в первую очередь страх безработицы, ненужности, невостребованности, страх нищеты, страх политической нестабильности, страх за свое здоровье, усиленно подогреваемый в обществе, потому что здоровье сейчас главная тема телевидения и в значительной степени газет.

Страх находится на поверхности, поэтому он может быть товаром, фобия — нет. **Фобия может быть объектом подспудной спекуляции, но, поскольку она не осознается большинством, она и властью не осознается.** Власть ведь тоже ей подвержена, и она тоже сильно боится. По идее задача политика в нормальной стране — работать с фобиями населения,

пытаться до них достучаться. А у нас сама власть испытывает мучительную фобию перед названием вещей своими именами. Даже Парфенов, произнося очевидные вещи, считает это подвигом, и видно, что ему действительно трудно. Хотя он не сказал ничего из того, чего не знали бы даже дети в детском саду. Дмитрий Медведев в своем послании делает все возможное, чтобы обойти все сколько-нибудь важные болевые точки. И в результате ставит себя в смешное положение, говоря о многолетних семьях и о прекрасности полиции. Вот этот страх перед аутотерапией, страх перед излечением собственных комплексов России чудовищно присущ.

Есть фобии, которые в основном связаны с ужасом перед непобедимостью, перед цикличностью хода вещей, перед тем, что, как бы Россию ни меняли и ни перестраивали, она отстраивается в прежнюю конструкцию; перед бессмысленностью всех действий, перед смехотворностью любой общественной активности. Отсюда «синдром Обломова»: когда он понимает, что надо бы встать, но понимает вместе с тем, что от этого не будет никакого толку. Ведь обломовщина в понимании, допустим, Добролюбова — это же не лень: лень не является психическим заболеванием. Это именно отсутствие мотиваций. И страх перед собственной немотивированностью — одна из главных фобий: надо действовать, а не понятно зачем. Страх смерти в странном его преломлении, в ощущении полной бессмысленности жизни: непонятно, зачем ты жил, непонятно, что изменилось, полное неверие в возможность что-либо переменить. Думаю, в значительной степени это страх будущего, не каких-то катаклизмов, а страх неизвестности, страх пол-

ного непонимания, куда все заворачивает.

Эти страхи свойственны сугубо русскому обществу. Потому что, если честно говорить, как раз XXI век — это век национальных матриц, когда ясно, что у каждой страны есть свой путь, абсолютно индивидуальный, чрезвычайно сложный для понимания извне. Страхи сегодняшнего американского общества абсолютно непонятны современному российскому обывателю. Страхи австралийского обывателя из романа Циолкаса «Пощечина» смешны обывателю российскому. Думаю, страхи российского обывателя непонятны уже и на Балканах, а уж чем дальше, тем менее ясны. Так что это так же индивидуально, как грипп.

Например, страх перед терроризмом. Терроризм очень сильно отличается от любого другого явления, и страх перед ним — соответственно. Он преследует другие цели, он иначе спонсируется, иначе организован. Мишенью, в частности, американского терроризма является цивилизация потребления. Эти акции имеют характер чаще всего демонстративный. Стратегия российского терроризма — геополитическая. **Не думаю, что американские террористы мечтают захватить Америку, но кавказские террористы, безусловно, мечтают захватить Россию.** Идея выступить единым фронтом абсолютно бесперспективна во всех отношениях, против чего бы этот фронт ни выстраивался. Второй фронт был возможен в 1940-е годы. Сейчас между двумя абсолютно разными цивилизациями не может быть ни моста, ни взаимопонимания, ни общего фронта. Просто потому, что, скажем, паразиты, терзающие собаку, чаще всего безвредны для человека. ■

Специально для РЖ